

Иван Киуру

Баркарола

И в а н К и у р у

Б а р к а р о л а

Москва, 1994

Художник Елена Герчук

**Издатели благодарят за помощь
альманах "Коллекция",
а также Сергея Журавлева
и Алексея Карамышева**

I S B N 5—7327—0018—8

**с — И.Киуру
(наследники)**

**с — Е.Герчук
(оформлен.)**

От составителя

”ВСЕ, ЧТО НУЖНО ДЛЯ ИГРЫ...”

Ивану Киуру досталась нелегкая судьба. Его своеобразное поэтическое слово далеко не всеми принималось и понималось. Но он мужественно продолжал отстаивать право на СВОЙ язык, на СВОИ темы и СВОИХ героев. Так уж вышло, что лицемерное и бесстыдное время, в которое жил и работал Иван Киуру, скомпрометировало многие прекрасные понятия. Несмотря на это, любимым и главным героем поэта неизменно был человек ТРУДА - сельского ли, городского ли, творческого ли... Нынче, в эпоху тотального цинизма, идеалы и страсти И Киуру остались бы неизменны. В своем стремлении сложить гимн во славу муравья, спеть ”Осанну” подмосковной Сходне, он не моден, может быть, даже архаичен, но — благороден и высок.

Мир так прекрасен,
Так трагичен,
Так полон чудом каждый миг,
Что только внешне алогичен
И звук любой в стихах моих.

Язык Ивана Киуру подчас прихотлив и сложен. Кое-кто был даже склонен видеть в этом неумелость и неуклюжесть. Однако в своих стихах для детей и, конечно, в песнях он блестяще опровергает эти обвинения: там есть и простота, и музыкальность, и энергичный ритм, и яркие рифмы, и добрая, чуть лукавая улыбка — одним словом, ”все, что нужно для игры”! А принять участие в этой игре может всякий, кто привык смотреть на мир свежим и непредвзятым взглядом, ”Благожелательно взгляни!” — пусть эти слова Ивана Киуру станут камертоном нашей жизни...

Михаил НОДЕЛЬ

ПЕСНИ И СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ПРАЗДНИК

По деревне — стук да бряк —
Едет сказочный добряк!
(Тиньги — бриньги — драндулет), —
Едет добрый старый дед,

Щок-цок-цок — лошадка пега...
Весело скрипит телега,
А в телеге той — гора
Всевозможного добра!

Подъезжают к водокачке...
По бокам бегут собачки,
Возле самого их носа
Быстро крутятся колеса.

Дед смеется,
Дед поет,
Всем гостинцы раздает...
Мы за дедушкой бежим —
Его дружбой
Дорожим!

Ах, какое наслажденье
На ходу жевать печенье,
Звонко в дудки свиристеть,
Танцевать, кричать и петь!
В обязательном порядке
Заглянуть в лицо лошадке,
Поглядеть, какая спица,
И к телеге прицепиться,

Где проехаться чуть-чуть,
Где — пешком продолжить путь...
Это ведь любой поймет:
Всех телега не возьмет!

Дед везет с собой матрешек,
Много всяких ярких брошек:
Брошка-кошка,
Брошка-жук,
Брошка — бронзовый паук!
За дырявые ботинки
Он готов отдать картинки!

А за старую тряпицу —
Деревянную жар-птицу!
Ах, какой же он богач!
Он везет с собой пугач,
И лягушку заводную,
И коробочку цветную,
И свистульки, и шары —
Все, что нужно для игры!

Как в какой волшебной сказке,
Раздавал нам деда маски
И картонные носы
Удивительной красоты!

Право, если бы не лето,
Мы бы думали, что это
Настоящий Дед Мороз:
Столько счастья он принес...

Никогда мы не забудем
Этот праздник-карнавал,
Как за тряпки,
За жестянки
Дед игрушки раздавал!

Начало 1970-х

ПОТАПКА

Ну, давайте песню петь!
Жил да был малыш медведь.
Был и толст и косолап,
Звался Маленький Потап.

Вот пошел он по грибы
Под высокие дубы.
Шел, грибам "Ау" кричал..
Бац! — и волка повстречал!

Волк Потапу говорит:
"На тебя мой глаз горит!
Я с утра не ел совсем..
Я тебя, Потапка, съем!"

А Потап ему в ответ:
"Поищи другой обед!
Стыдно мишек обижать!" —
Да как пустится бежать!..

С косогора кувырком
Прокатился словно ком...
И, уже за бугорком,
Стал спокойно рассуждать:

”Мне постарше бы лета б, —
Так ворчал малыш Потап, —
От моих бы толстых лап
Пострадал бы б ты б тогда б!..
П - х - х - х...”

Начало 80-х

МИШКА НА ЯРМАРКЕ

Я — всему известный свету
Толстый маленький медведь.
"Эскимо", — тележку эту,
Мне хотелось бы иметь!

Дай медведю, дай медведю,
Дай медведю эскимо!
До чего ж оно прекрасно! —
В ротик просится само!

Погляди-ка! — бочка меду!
Ах, какой чудесный мед!
Я не ел такого сроду...
Просто за душу берет!

Лей медведю, лей медведю,
Лей медведю — не жалея!
Хватит меду для народу,
И для пчел, и для шмелей.

Продавец в своей тележке
Как раз мимо провозил
Ароматные орешки.
Это нюхать — выше сил!..

Сыпь медведю, сыпь медведю! —
Покажи размах руки...
Не задерживай движенья, —
Наполняй скорей кульки!

Вот идет цыган с гитарой...
Где гитару покупал?
Не молчи, бродяга старый,
Чтобы голос не пропал,

Спой медведю, спой медведю,
Спой медведю позвончей,
Чтобы песня разливалась,
Как в родном лесу — ручей!..

Спой медведю, спой медведю,
Спой чуть слышно, не спеша...
Покачай медведя Федю, —
Нужен сон для малыша!..

1970-е

ТЕЛЕЖКА

Н.М.

Бурый

(Плюшевый весь!)

Медвежонок

В рукавичку наклеячил деньжонок

И задумался:

Как же тут быть?

И какую бы вещь закупить бы,

Чтоб не глупым медведем прослыть бы,

А толковым медведем прослыть?

И решил закупить он тележку,

Чтобы в ней прокатить сыроежку,

Шишку кедра

И рыжую белку,

Собачонку, черняву и мелку,

И синицу — смышленную птицу,

Песни петь, танцевать мастерицу, —

И зайчонка, и с ним кочерьжку,

И... такого же глупого Мишку,

Как он сам, (закупивший тележку,
Чтобы в ней прокатить сыроежку,
Шишку кедра
И рыжую белку,
Собачонку, черняву и мелку,
И синицу — смышленную птицу,
Песни петь, танцевать мастерицу, —
И зайчонка, и с ним кочерыжку,
И — такого же! — глупого Мишку,
Как он сам, закупивший тележку!)

И с такой же большой головой.

Начало 1970-х

БАЛЛАДА О МИШКИНОЙ МАКУШКЕ

Сильно, сильно болела макушка
У пузатого малого Мишки!
Опустилось правое ушко,
Появилась тоска и одышка...

Оттого-то в свой скромный домишко
Вызвал лекаря маленький Мишка.

И пришел к нему Мишенька-лекарь,
Сладкий лекарь, медовый аптекарь,
И принес на спине
Бочонок,
Полный ягод и яблоч моченых.

А еще, пациенту в угоду,
Он принес распрекрасного меду!

И едва приоткрылся бочонок,
Где душистый был мед распрекрасный,
Глупый маленький медвежонок
Рассмеялся, как месяц ясный!

И расправилось правое ушко,
Как-то сразу окрепла макушка,
И не стало тоски и одышки!

Свет горел до утра в домишке, —
До утра хохотали мишки...

Начало 1970-х

МЕДВЕДЬ И МУРАВЕЙ

Бывает, дети малые
Больших ребят — умней.
В лесу однажды встретились
Медведь и Муравей.

От всех обид у Муравья
Давно душа горит!
И вот он речь какую
Медведю говорит:

”С тобою, Косолапый,
Готов я век дружить!
Но... чтобы в плясках всяких
Нам порознь петь, кружить...

Тащил мой братец жерди
Из рощи, для стропил,
А ты мальцу на лапу
Чуть-чуть не наступил!

Когда по тропке ты идешь,
Мой дом дрожит, качается...
Не оттого ли дружество
У нас не получается?

Ты мой сосед хороший,
Душа твоя проста.
Но в муравейник лапу
Не суй, по—жа—луй—ста!”

И эта речь разумная
Плыла среди дубрав...
И многие решили,
Что Муравейка
Прав!

Начало 1980-х

МЕДВЕЖИЙ СУД

Как попал Медведь в беду, —
Весь измазался в меду!
К нему Муха приставала,
Мед бесплатно доставала
(Эту царскую еду!).

А еще Медведю Муха
Верещала прямо в ухо,
А еще Медведю Муха
Верещала прямо в ухо:

”Эй, Потап! Мужик! Берлога!
Мед по внешности размыл!
От пчелиного налога
Долю мне отдать забыл!

Наказать бы тебя строго! —
Зажужжала Муха снова, —
Накусать бы тебя строго!..” —
Тут медведь ее схватил.

Только был он парень славный,
Благодушный, добронравный;
Он бесстыдную простил:
Перед всем честным народом
Перемазал Муху медом,
Перемазал Муху медом
И — на волю отпустил!

1971 (или 72)

НОВИЧОК

Котик родился в середине мая:
Маленькие ушки, голова — большая!
Голова, как булава, хвост короткий, жидкий,
Да четыре лапотка — все его пожитки.

Не богат его наряд, сероватый, скромный..
Вот какой пришел малыш в этот мир
огромный!

Он лицо помоеет сам, аккуратно, чисто!
Голову причешет — сам, лапою пушистой.

Не справляется коток ни с борщом, ни
с мясом.

В чем-то держится душа! А мурлычет — басом!
Вот какой пришел коток в середине мая:
Удивленные глаза, голова — большая!

Начало 1970-х

КОТ—ЛЕНТЯЙ

Кот пушистый,
Нос курносый,
Чечевичный глаз раскосый;
Ты наелся,
Ты напился,
На диване развалился,
Ты зевнул, сощурил глаз...
Что подумал ты о нас?

— Я подумал:
”Эй вы, люди!
Принесли бы мышь на блюде!
Принесли бы серу мышь, —
Я бы съел ее, глядишь...”

Ел я рыбку,
Кушал сало,
Только этого мне мало.
И, к тому же, нелегко
Пить все время молоко!..

Между прочим, есть в каморке
Две хорошенькие норки;
Ты, хозяин, сядь к одной,
Ты, хозяйка, сядь к другой,
Час... И два... И три — сидите
И внимательно следите!
Чуть из норки мышка — скок, —
Мигом делайте прыжок!
И скорей, скорей хватайте!
Только сразу мне отдайте!
Принесете мне ее,
подадите — вот и все...”

Вот какой несправедливый,
Непорядочный,
Спесивый,
Не имеющий стыда,
Избегающий труда,
Вечно спящий на диване
Да командующий нами, —
Вот какой нескромный кот
В нашей комнате живет!

1970-е

КОТ И ЖУК

Притворился тигром кот —
Изловить жука идет.

Жук, берегись!

Кот крадется по траве —
Дыбом шерсть на голове.

Жук, жук, держись!

Вот мелькнули возле пня
Два зеленые огня...

Жук, не шевелись!

Но внезапно (вот беда!)
За нос жук схватил кота.

Жук, отцепись!

Под ореховым кустом
Кот сердито бьет хвостом...

Кот, кот, не злись!

У жука свирепый вид,
Жук злодея не щадит!

Жук, жук, уймись!

Бились до последних сил —
Ни один не победил.

Что ж? — Разошлись...

1970-е

ЭЙ, ЛЯГУШКА!..

— Эй, Лягушка,

Где твой дом?

Там, за Марьиным прудом,

Под кусточком под ольховым,

Под листом под лопуховым,

Над зеленою волной,

Под высокою луной!

1980-е

ЕРШОК-С-ВЕРШОК

Жил на озере Ершок
Ростом — так себе — с вершок;
В чешуе ершова спинка,
Изумрудная щетинка, —
Словно вострый меч, востра;
Не боится Осетра!

 Не боится Ершик Сомы
 (Не сидит со страха дома),
 И не страшен крошке Рак —
 Малым рыбкам лютей враг.

Не страшна Ершку и Щука.
Говорит он Щуке: "Ну-ка!
Ну-ка, Щука, отойди!
На моем не стой пути!
Не смотри на мой росток —
Я коварен, я жесток!
Что такое страх и жалость —
Даже как-то не пойму..."
Щука-Злюка испугалась
И поверила ему.

И умчала Шука-Злюка,
Как стрела летит из лука,
И пропала в глубине,
На ужасном черном дне...
"Всех врагов, — сказал Ершок, —
Я стираю в порошок!.."

Конец 1960-х

ДАЙ ЗЕРНА ВОРОБЬЮ!

Дай зерна поклевать воробью!
Над огромным земли шалашом
Он возносит на крыльях зарю,
Не считая себя малышом.

Хорошо дать зерна воробью!
В огород путь открой воробью:
Никогда он тебя не объест!
Поклюет — и в халупку свою
Полетит на уютный насест.

”Рад вас видеть!” — скажи воробью.
Ягод солнечных дай воробью!
Пусть он вольно летает в твой сад,
Пусть под стрехою кормит семью,
Пусть воспитывает воробьят.

Ничего не жалея воробью!
Не мешай, брат, клевать воробью,
С голубями пастись у складов;
Он так верит в сердечность твою...
Погляди: он к зиме не готов...

Не мешай, брат, пастись воробью!

Лето склонится. Будет зима.
Снег природу окутает сном,
Птицы кинут сады и дома, —
Он один будет петь под окном.

 Не скупись, — дай зерна воробью!
Никогда не предай воробья.
Кто он? Он только бедный твой друг.
У него лишь гнездо да семья,
А твоя — вся природа вокруг!

 Никогда не предай воробья.
Зерен дай! — Я всерьез говорю, —
Воробью и детишкам его!
Ты богат в своем щедром краю,
У него же, брат, нет ничего,

 Что нам стоит помочь воробью?

1970-е

ПЕСНЯ ДРОЗДА

От рассвета до заката
Я пою для вас, дроздята!
Мой напев и разумен и прост;
Облака летят крылато,
В них, должно быть, сыровато...
Так лети, моя песня, до звезд!

Я на речку ходил,
Я водички принес —
Полный клюв,
Полный клюв,
Целый нос!

Пусть себе цветет калина,
Если рада ей долина,
Пусть поют себе дятел и дрозд,
Пусть повсюду ребятишки
Рвут цветы, орехи, шишки,
Но дроздовых не трогают гнезд!

В старый бор я слетал,
Там бруснички достал
Целу гроздь,
Сладку гроздь,
Ветку-гроздь!

Мои детки маловаты,
Зато рты широковаты:
"Дай еще! Дай еще! Дай еще!..."
Быстро ягоды хватают
И, хватая, причитают:
"Эта в счет... Та не в счет...
Та — не в счет!"

А я мошек ловил,
Взять жука норовил,
Хитреца,
Подлеца,
Наглеца!

Я пою среди работы,
Не заглядывая в ноты, —
Быстрый дрозд, певчий дрозд,
папа-дрозд!

Мне порою трудновато...
Но для вас, мои дроздята,
Пусть летит моя песня до звезд!

1970-е

БАЛЛАДА О СНЕГИРЕ

В день морозный,
Крылья жгущий,
По дворам летал снегирь.
Он летал, зарею рдеясь,
Где-нибудь найти надеясь
 Гроздь румяную рябины,
 Кисть каленую калины,
 Семя серое сирени,
 Семя конопли сухое
Иль, хотя бы, семячко подсолнушка одно!

Было очень бесприютно!
Страх голодной смерти смутно
Сердце маленького снегиря терзал..
Но, проделав круг напрасный,
Не нашел снегирь злосчастный
Ничего-то из того, что он искал:
 Гроздь румяную рябины,
 Кисть каленую калины,
 Семя серое сирени,
 Семя конопли сухое
Иль, хотя бы, семячко подсолнушка одно...

Птицы

(Те, что не зевали)

Все вокруг давно склевали —

И на ветках для бедняги не осталось ничего,
Только снег...

И вдруг — избушка!

Над крыльцом висит... кормушка!

А в кормушке все, что, слабый и усталый,
он искал:

Гроздь румяная рябины,

Кисти рдяные калины,

Семя серое сирени,

Семя конопли сухое

И подсолнуховых — сразу семь семян!

...И, когда он звонко свищет,

Это песня не о пище;

Ни о сне, ни о жилище

Мой снегирь, конечно, не поет...

— Но о чем же песни эти?

— Да о том, что есть на свете

Неизвестные, но добрые друзья!..

Начало 1970-х

ОТЧАЯННЫЙ

— Да ты куда-куда,
Да ты куда, кудах,
Да ты скажи, куда,
 Куда ты подевался, мой цыпленок?!
Мой самый маленький,
Мой самый желтенький,
Мой самый шустрый!

— Да никуда-кудах,
Да никуда-куда
Не подевался он! —
 Тут отвечает курица-соседка, —
 Не плачь, да не волнуйся ты, наседка!

Придет, придет домой
Твой самый желтенький,
Твое сокровище!
Кому он нужен-то?
Куда он денется,
Твой самый шустрый?

Да вон — желтеется, —
Гляди — виднеется
Из-под листка!..
Твой самый маленький,
Твой самый желтенький...

Под лопухом увидел червяка!

1970-е

НАШ КОЗЕЛ

Наш козел — такой пролаза!

На него нужны три глаза!

А у бабки только два,

Да и те глядят едва.

Только бабка из ворот,

А козел — на огород!

И — скорей, скорей жевать:

Спаржу с корнем вырывать...

Он губой — шевель, шевель, —

И морковку, и щавель,

Лук, чеснок, фасоль, капусту,

И редиску, и салат...

(А уж треску!

А уж хрусту!)

Даже колья из оград,

Даже щепку, даже прутик!..

А хвостом-то так и крутит,

Оком огненным горит

И как будто говорит:

”Мне дорожку! Да пошире!
У меня рога большие!
Я ведь так могу боднуть... —
Не успеете смигнуть!..”

Вот какой у нас козел.
Не козел, а горе!
Потому что наш козел
Не учился в школе.

1964

ТЕЛЕНОК ЛЕНЯ

Молодой теленок Леня
Целый день стоит на склоне.
Этот маленький теленок
Только-только из пеленок!
И на зелени горы
Его видят все дворы.

Молоком ты пахнешь, Леня,
Молоком и сельским духом!
И приятным для ладони
Опушен ты пестрым пухом.
Ты ногами — топ-топ-топ,
А ушами — хлоп-хлоп-хлоп...

Ты ступаешь робко, чтобы
Не споткнуться об ухабы,
Мой теленок белолобый,
Славный, но немножко слабый;
Кашки мало ел, небось?
Ножки едут вкривь и вкось!

Розоватые копытца
Вздрагивают с непривычки...
Луг в глазах твоих кружится,
На хвосте дрожат косички...
Ешь целебных трав салат —
И дела пойдут на лад!

Молоком ты пахнешь, Леня,
Юным листиком на клене.
А с каким ты будешь видом,
Когда станешь Леонидом,
На народ глядеть честной
Новой, будущей весной?

Сеном ты запахнешь, Леня!
Сеном! Крепким духом сельским!
И рога, рога крутые
Нам покажешь днем апрельским!
Тебя станут обходить,
Чтоб на рог не угодить...

Запинаясь и робея,
Подойду тогда к тебе я,
Захочу с тобой поладить —
Как всегда, тебя погладить.
Но, при ясном свете дня,
Ты узнаешь ли меня?

Начало 1970-х

ВЕРБЛЮЖОНОК

Маленький, долгоногий верблюжонок
Гулял с матерью, верблюдицей, в поле, —
Щипал зеленую верблюжьё колючку.

Неопытный верблюжонок
Вдруг увидел под кустом ежат и ежиху.
Увидел — удивился, к матери-верблюдице
прижался!

Думает верблюжонок
О ежатах и матушке-ежихе:
"Что за несуразные диковинные созданья!"

Думают о нем, верблюжонке,
Неразумные малые ежата:
"Ну и уродец же этот зверь, — горбатенький
и долгоногий!"

1970-е

РАЗМЕЧТАЛСЯ...

Пахло медом и травой.
А на старой каланче
Размечтался часовой
О румянном калаче.

Размечтался часовой:
Штык поник над головой,
Каска слезла до бровей...
Сел на дуло воробей.

Сел — запел: "Чирит-бирит...
Часовой, наверно, спит?
Спи глазок, усни другой, —
Спи, приятель дорогой!

Нынче воры не придут —
Каланчу не украдут."

1960-е

ЛЕТЯТ!..

Тепло и свет в долине.
Летят на паутине
Куда-то пауки;
Плывут под небом синим,
Над берегом реки.

И жутко и тревожно
Теперь должно быть им!
Кричат они, возможно:
"Ребятки! Осторожно!
Над всей землей летим!

Гляди, как наши снасти
Колеблет и трясет!
Поди ж, какие страсти...
Ну, вот тебе и здасьте! —
Куда ж нас так несет?

И как нам с ветром спорить?
Все ветру нипочем!
Ему в лесу и в море,
Везде — беда не горе,
Везде — родимый дом...

Стоп!.. Маковка березы!
Хватайтесь!.. Вытрем слезы,
На ветке отдохнем.
И спустимся с березы,
И — в травы сиганем!..”

1970-е

ВСЕ ГОТОВИЛИСЬ К ЗИМЕ...

Зашумел под ветром клен,
Ветру листья отдал он.
С умудренностью в уме
Все готовились к зиме.

Подбежал зайчишка к дубу,
Отдал дубу стару шубу,
Только я не доглядел:
Где он новук надел?!

С торопливостью в уме
Все готовились к зиме.

Полосатый бурундук
Сыпал ягоды в рундук,
Сыпал ягоды в рундук.
А грибочки клал в сундук.
С хлопотливостью в уме
Все готовились к зиме.

С напряженностью в уме
Все
Готовились
К зиме!

В конце 1960-х

НА ГОРКЕ

Тянет, тянет Маша в гору
Целый поезд из саней:
Сани, саночки, салазки, —
Разрисованы, как в сказке! —
Чинно тянутся за ней.

Там, укутаны до пят
В шали теплые, сидят:
Зяц Серый,
Мишка Бурый
И Щенок (довольно хмурый,
Потому что у Щенка
Перевязана щека).

На вершине горки — тоже
Презабавнейшие рожи!
Там сидят, стоят игрушки,
(Тоже всякие зверушки), —
Смотрят под гору, вперед...
Эх, как зависть их берет!

Маша тоже их прокатит.
Но терпенья разве хватит
Долго в очереди ждать
И страдать,
Страдать,
Страдать?!

” — Эй, ты, Плюшевый! Слезай!
Меховому место дай!
— Эй, ты Серый! Сам катайся
И с другими, брат, считайся.
— Ну а ты, Такой-Сякой
С перевязанной щекой,
Сам подумай: раз ты болен
И поездкой не доволен,
То тебе необходимы
Не забавы, а покой!

Маша пальцем им грозит:
— Тише, детки! — говорит, —
Неразумные Игрушки,
Не завидуйте друг дружке,
Научитесь дружно жить...

Всех успею прокатить!

1970-е

Я — ПОРТНОЙ!

Мать копеек накопила
И костюмчик мне купила.
Приближался Новый год!

”Что бы взять с собой на елку?
Что надеть бы? — втихомолку
Каждый думал наперед.

Торопились, не зевали.
Звезды к платьям пришивали.
Чик-чик-чик, и раз, и два —
Обрезали рукава...
Из серебряной бумаги
Вырезали маски, флаги...
Из поношенных вещей —
Капюшоны для плащей,
Пояски, цветные шляпы...
Уши, хвостики и лапы...
Чтобы каждый вспоминал
Этот зимний карнавал!

Я, имея быстрый ум,
Сразу вспомнил про костюм!

Чик-чик-чик, и раз, и два! —
Полетели рукава.
Слишком длинные штанины
Обкорнав до половины,
Сам не знаю почему,
Я пришил к ним бахрому.

По неслыханным фасонам
Сшил из муфты хвост помпоном.
Из обрезков (шей, так шей)
Пару заячьих ушей...

Люди скажут: "Эх ты! Ух ты!
Хвост из материной муфты!
Удивительный фасон!
Покажись со всех сторон!"
То-то мама будет рада
Виду этого наряда!.."

Мама в комнату вошла
И спросила: "Как дела?
Все ли к празднику готово?"
Я сказал: "Гляди, обновы!!
Я костюмчик обкорнал —
Я готов на карнавал!"

Но сказала мать угрюмо:
"Ты остался без костюма!"
И добавила потом:
"Ничего!
Зато — с хвостом!"

1970-е

ПРАЗДНЕСТВО

За горами ли за теми, за высокими,
За морями ль да за всеми, за глубокими,
За лесами ль, за лугами изумрудными,
За болотами опасными и трудными,
За ужасными коварными трясиными,
За озерами великими, глубинными, —

Там чудесный, многославный город есть
(Да живет он бесконечно много лет,
Ибо города прекрасней в мире нет!).

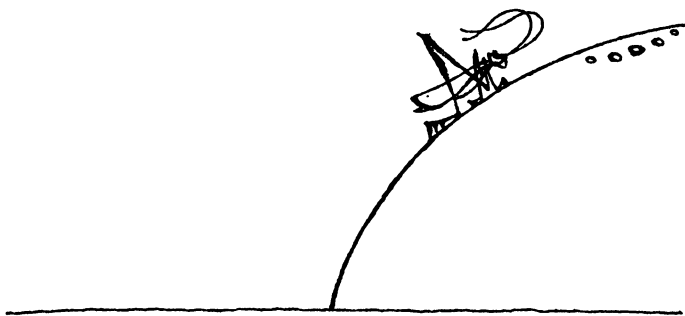
В барабаны бьют там нынче люди города,
И в тарелки, и в тазы стучат, и в сковороды,
В бубны с дом величиною — дрыном бьют!
У нарядных белокаменных палат
Дымом-пламенем из пушек в небеса палят,
Мед янтарный из дубовых бочек пьют!

А не потому ль,
Что в рощице зеленой, возле города,
После зимнего ненастья, стужи-холода,
Дельный парень — небольшенький муравьишко
родился?

Он лицо лапчонками помыл, глаза протер,
Наострил пилу да плотничий топор,
На ладони поплевал — за дело принялся!..

Начало 1970-х

ПРОСТО ПЕСНИ

БАРКАРОЛА

Светлой памяти Наташи Чадаевой

Вдоль Большого Канала Венеции
Плывут за гондолой гондола.
А Бродяжке-то некуда деться ведь, —
Ноги босы и тело голо.

Он когда объявился в Венеции?
О том вам никто не скажет...
Не увидит прохожий — венец его,
Раны его — не помажет.

Кто Бродяжку возьмет в гондолу?
Шаль накинёт на голые плечи?
Кто Бродяжку возьмет в гондолу?
Раны его залечит?

...И текут века за веками...
И плывут по Каналу гондолы...
И уже обратился в камень
Бродяжка босой и голый.

Камень жив! Его кожа трепещет
Утром зябким, и серым, и лунным...
Даже рыбы плывут из Лагуны
Глядеть эту скорбную вечность...

Кто Бродяжку возьмет в гондолу?
Шаль накинет на голые плечи?
Кто Бродяжку возьмет в гондолу?
Раны его залечит?

Уж давно обратился в камень,
Но витает душа его где-то —
Дорогами долгих исканий,
По базарам безумного света...

В полдни летние городу жарко.
А бродяжке всегда только зябко.
Лишь голубки небесная лапка
Его греет в республике Марка.

Кто Бродяжку возьмет в гондолу?
Шаль накинет на голые плечи?
Кто Бродяжку возьмет в гондолу?
Раны его залечит?

А на мосточках на каменных,
У далекого синего моря,
Под небом лазурным и пламенным
Сына ищет и кличет сеньора...

1977 Переделкино

ТАБОР

Обрывок табора в дорогах Краснодара.
Да-ра, да-ра-да, ой, дара-дара-дара,
Расположился, погляди, у Скаредного Яра;
Яра-яра-я, ой, яра-яра-яра...

Стреноженные кони, глянь, пасутся у излуки
(А ты себе гуляй, петляй себе, дорога!).
Спит у обочины старик-цыган, раскинув руки,
Да сокол в поднебесье реет одиноко.

Как после зимнего извоза на родных полатях
В раю мужицком спят, — так спят на солнцепеке
Цыганки старые и молодые, в пестрых платьях,
И смуглых удальцов печален сон глубокий.

За верность пламени, ой, за кузнечные дела их
Отринуты они? Иль попросту устали?
Или — дорогою от белоснежных Гималаев —
В далекий век от всех лошадаики отстали?

Нам не понять чумазных цыганят, веселых малых,
Арбузом занятых, незрелым и зеленым,
От звездного кружения, от зноя не усталых;
От стуж они заклеты, ну а жгучий вихрь —
что им?!

Неугомонные сверчки кричат, поют стозвонно..
В степях сама природа — быт, и нет иного быта..
И снова платья на ветру, как пестрые знамена,
И снова — в долгий путь. Лишь цокают копыта...

И только сокол в небе реет одиноко.

ВАРДАНЭ

За речкою поезд на Сочи прошел
при полудня белой луне,
Наполнив ритмическим грохотом дол,
напомнив о севере мне,
И полоз прополз, весь, как золото, желт, —
свернулся кольцом в стороне.
Тут в пятом часу запевают сверчки на станции
Варданэ.

Тут в пятом часу запевают сверчки
о теплой и звездной ночи,
В колючем лесу и в садах у реки
звенят, как по камню, ключи,
Из облачной моря сентябрьской печи
метутся огни и лучи —
Оранжевые. И ночь на носу...
Постой, погляди, помолчи.

Художник суровый, но где же лазурь
на звучном твоём полотне?
Закат разъярен, по-осеннему хмур,
с малиновым в глубине
Солнцем — паляшим валежники туч
на моря прозрачной волне.
Чем ближе закат, тем слышнее кричат
сверчки и дрозды Варданэ.

А море вздыхает, а море поет,
и празднует праздник вода.
И пляшет, и шумное кружево вьет!..
Что морю века и года?
И берега радужен стал поворот,
И гор потемнела гряда..
И ночь от садов и от моря встает,
и в высотах восходит звезда.

Начало 1980-х

СВЕРЧОК

То сладкозвучен, то сердит,
— Тиринь! Тиринь! Тиринь! —
Сверчок в углу моем сверчит,
Всю ночь сверчит, один.

Он в зной поет, поет в мороз...

Певца покинула жена.

Он никогда не видел звезд:

Была ему звездой она!

Как четыре черных уголька,

Песня бедняка прохожему горька.

Кинула жена артиста-чудака

В ночи зимние, тиринь, тиринь, тиринь...

Соперник дерзкий на нее

Накинул шаль надежд:

Умчал ее в свое жильё

Вдаль от сверчковых мест...

Он в зной поет, поет в мороз...

Его покинула жена...

Он никогда не видел звезд...

Была ему звездой она...

День поет он, ночь поет, поет века...

Песня малыша уж до того жарка!

Нескончаемо течет мелодии река

В ночь осеннюю, — ой, ой! — тиринь,

тиринь...

Ой, не рыдай, чудак сверчок, —
Ужель другой любви нет?
Зачем печаль тебя влечет,
Как яд? Как горький мед?

Но заветную малыш любовь поет,
Чеканит золото печали, ой, не устает!
Вечером любовь поет и поутру поет
Песнь сверчковую: — Тиринь, тиринь,
тиринь...

Солнечно, прозрачна и тонка
И скудна, бедна, но... как река,
Ищет маленькая песня берега,
Песня скрипача-сверчка: — тиринь,
тиринь...

1970-е

РОЩА ЗААЛЕЛА...

Не было морозов. Далеко был иней.
Роща заалела под звездой синей.
Роща заалела, роща зажелтела,
Вечно быть зеленой, знать, не захотела!

То ли ветер ей, звеня,
шепчет, то ль ей снится?
"Выйди замуж за меня,
красная девица!
Принесу тебе зарю, светом околдую
И на память подарю флейту золотую!

Сядь на моего коня!
Будем петь, кружиться..
Выйди замуж за меня,
Красная девица!.."

Роща ветру говорит — горделива с виду:
"Нет, не выйду за тебя. Никогда не выйду!
Чуден пляс твой, славен бег, речь твоя
прекрасна,
Да не тот ты человек... Мне, девице, ясно!"

”Тот я! Тот! — он ей в ответ. — Стройный и
крылатый!
Мчал к тебе я сотни лет — тот, кого ждала ты!
Сядь на моего коня, — будем петь, резвиться,
Выйди замуж за меня, красная девица!”

Роща встрепенулась,
Роща задрожала;
В ней душа проснулась,
В ней любовь дышала!

На заре краса девица на коня садилась...
(Или ветра песня эта роще только снилась?)
Возле рощи по земли шорохи носились,
Травы под косой легли — ах! — отколосились...

Не было мороза, далеко был иней.
Роща заалела под звездою синей.

Конец 1970-х

* * *

Над Москвой облака высоки,
Над Москвою ревущие зори,
Над Москвою — небесной реки
Рукава! И небесное море..

И шумит, и вздыхает Кольцо
До полуночи тяжким прибоем,
И текучи душа и лицо..
И бессильно тут слово любое.

Только главные ритмы лови!
Но сознанию откроется бездна.
И зачем говорить о любви?
О любви говорить — бесполезно!

На высокую гору взойду,
Ту, что вечной горой разумею!
И — смущенной зари на виду —
Назову эту землю своею.

Над Москвой облака высоки,
Над Москвою — небесное море..

1970-е

ГИМН СОЛНЦУ

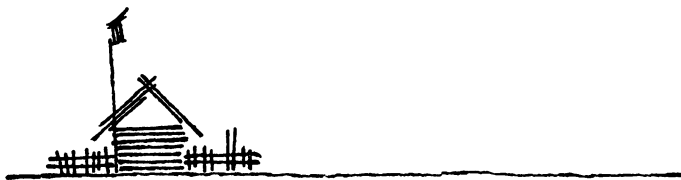
Торжественно
Колесница Аполлона,
Поскрипывая рессорами, выезжает
На взгорье медленного небосклона.
И даже на меня, — человека простого, —
Взглянув благосклонно,
Приступить к трудам разрешает
Бог златокудрый.

Приступить к трудам разрешает,
Не спрашивая вовсе — кто я,
Не спрашивая, будут ли угодны
Труды мои музам вещим,
И на золотой колеснице стоя,
Жестом свободным
Туман от век моих отводит.

Словно говорит: "Не спеши, пристрастный
Гражданин Республики Песен,
Рушить формы старинных
Гимнов, славя богов разномастных:
Ведь в просторах вселенских, горних, —
Единый,
Искусствам дающий законы,
Правлю Я, как допрежде, —
Аполлон,
Бог вечно-юный."

1970-е Зима.Утро.Переделкино.

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ
Л Е Т

ГОЛОС ТВОЙ

Пора вставать!

Уж заяц зорю пробил,

Опушку пробудил и в рощу сиганул...

А солнечный двойник его попрыгал на пороге,

Сверкнул на потолок и — в "личность"

заглянул!

Пора вставать!

Мир краток, радостен и зыбок.

Он зыбок, но блистателен. Вставать пора!

Печали заменять на плач весенних скрипок

И в мир огромный выйти со двора!

Пора вставать!

Не ты ли говорила,

Что мрак — прелюдия? Он для того и есть,

Чтоб зрела в нем и крепла творческая сила.

И вот — о мае звонком подал заяц весть!

Еще бегут ручьи... Но, слышишь? Жаворонок

Уже на землю падает со всех сторон...

И, с криком, чалят перевозчики скрипучие

паромы,

И слышен такелажа звон, и смех, и гром...

И роза дикая, — ты только погляди-ка! —
Что ни пурпурна, и ни розова, и ни бела, —
Еще вчера немой была... И та же ежевика —
Не для тебя ль сегодня расцвела?

Знай, — для тебя! Он долетел, твой голос,
До малых птиц, до скрытых снегом трав
(И до людских сердец!) — как, полный
звонком, колос

Над немотой равнин, над странным сном
дубрав...

...Прощай, багульник! Меж орешниковых арок
Из-под осины выбежал к нам еж,
Весь — темным серебром светящийся, подарок
Весны! — живой, бесстрашный, как весна,

пригож!

Он, скромный малый, пусть не в каске алой,
А ведь всегда готовый потушить лесной

пожар,

Зверек веселый, жертвенности небывалой, —

Он, видно, чует в человеке песнопенья дар!

Откуда ум зверька? — хотелось бы мне знать...

Как Полигимнии и до ежа доходит чудо?

”Но чуда нет!” — мне говорит всезнающая знать,
Да, в знати — чуда нет. Оно в еже — откуда?

Лето 1989 (Сходня) . Лето 1990 (Москва)

ЗВЕРОВОЙ РАССВЕТНЫЙ

Как золотые брызги солнца,
Зверобой по траве расплескался.
Как соль и зола, по камышам и осокам,
Сел туман... И по лугам всем,
 По лугам всем и прибрежным ивам
 Вскрикнули птицы, шмели забубнили..
 И озеро Черное
 Глядело оком огромным, счастливым,
 Таким, что мы его не забыли!
И трель жаворонка в небе искрилась,
Как вера в вечность, как к миру воля..
И на склоне холма
 меж лесов нам открылось
Поле клевера и зверобоя!
 И зачем нам грибы? И к чему нам букеты?
 Не проще ли взять с собою
 Эту песнь жаворонка,
 все блики, все светы, —
 Славу солнцу, земле, зверобоею!

И сокровищницею света
 из торфов нам заблестала —
Между папоротниками — канава ржавая;
И скользнула из протоки
 в озеро утиная стая,
Славу небу не разрушая.
 И, как золотые брызги солнца,
 Зверобой на опушках рассветных
(Он — целитель зверей,
 для чего зверобоем зовется?!) —
В звонах утренних солнц
Всепобедных!..

1989

СХОДНЕНСКИЕ СОСНЫ

Там, где волочь была — Волчий волок, —
Вырос мебельный комбинат.

Но, как волока слава, как всполох,
Три сосны, чья кора в чистых смолах
(Три сестры, век чей славен и долог!),
У пригорода

Над слияньем стоят;

Над слияньем двух речек
зеленеют они,

Разом видные с многих дорог...

Одеянья чисты и дыхания! Их

Сам обрыв для обзора сберег.

Славен шум их, как музыка, вещей,

Чуждый злу, безрассудству, вражде.

И такие им ведомы вещи,

Каковых не знавали нигде!

Что не хаживали в элите они,

Повествуют провалы воронок...

И холму их — куда до обитателей,

От напастей мирских зачарованных!

Не чудно ль вспоминать даже, вроде,

В сердце города, там,
 где дымит комбинат,
О деревьях российской природы?
Но природа во всем: в нас, и над —
 Над умами и душами нашими!
 И, люби ее иль ненавидь, —
 Мы с ней клятвами связаны страшными!
 Стародавними "быть иль не быть"!
 ...И, чтоб города-краснодеревца
 Не скудели древесные сны,
 Ему строить, и жить, и надеяться
 Помогают три вещей сосны, —
Три сестры — над долиной безбрежной;
В глинах корни, а крона — в чести!
...Упаси нас Господь,
В безоглядности грешной
Реки выпить, леса извести...

1983

БЕРЕЗЫ МОЕГО ВОРОНЕНКА

По Бугру Вороненка, кудрявые,
Серебристою чернью по снегу!
По Бугру Вороненка, корявые,
Бредут сквозь метель к человеку.

Замечательно их одиночество,
Замечательно — многотерпение;
Вопреки всем недобрым пророчествам
К человека жилью — устремление.

И в метели, и в ветры одетые,
Поездов рокотаньем овеяны,
Раздвигают, — народом воспетые! —
Тьму
Непрочные гибкие ветви их...

Так бродячая голь перекатная,
Бывало, со сказочных приисков
В отчий край устремлялась обратно
Дорогой и Минской, и Киевской!

Света жаждущие, вечно ищущие,
Полусогнутые, а яснозрящие!
Днем и ночью я чую души их,
В бесприютности мира парящие...

Где теперь их смешной вороненок,
И наперстник, и друг им хороший?
Добрый мальчик?.. Он в города сторону
Удалился в декабрьских порошах...

Колея вороненою сталью
Кажет плавную песню изгиба,
Кажет мост, где за снежною далью,
В липах города или где-либо

Он пристроился...
Жив вороненок!
(За бугром песня поезда льется!)...
В свалках города — жив вороненок
И в апреле к березам вернется!

А метель-то снегов намела им, —
Черным огнем, в сугробах пылающим,
Простирающим к городу длани
И коснуться уюта желающим...

Начало 1980-х

ДЕД ВОРОНЕНКА

Как полозья поезда легкого, санного,
Колеса поезда зимнего мягко и ласково,
Невидимые, за Вороненка Дугой, шуршат,
Осанну солнцу поют, что над лесами встает,
В океанах кружа тумана морозного.

А поезду — ворон вослед —
Орет свое: "кр! кр!" — летя,
Цедя крылом млеко мглы,
Над елями открывая лазурь,
Целя оком в сторону светлую,
киевскую!

Ой же ты, ворон-старик,
птица ты вещая, многоумная!
Уж не сажают ли в почву мерзлую там
Буковый лес или дубраву шумную
Потомки оратаев, трудолюбием ли обиженные?

Дедом — не самому ли вороненку моему
(Седой — и в зимнего неба озаренности) —
Мудрец, ты по какой линии приходишься?
Так, не рощи ли тебе там воздвигают

приютные?

Не пристанища ли зеленые тебе, философу,
там кто работает?

— Нет, не пристанища зеленые — рощу темную,
Там мужики степные, русичи, работают,
Но меж Доном-рекою и широкой Волгою
Становят они, работники, высокий курган,
Курган славы строят они предкам своим...

И за березником в небе сокрылся вран,
Дед вороненка древний, с криком:

”кр-кр!” ...

Рассвет поздний горит на язвах древесных
ран;

Поезда зимнего санный зов
За островами последних лесов
Входит уже в белую зимнюю
степь многокурганную...

10-11 февраля 1982 (Переделкино)

НА СТАНЦИИ ВОРОНЕНКА

На Бугре Вороненка

Березы

И в розы и в иней одеты,

За Бугром Вороненка

Солнце

Во мгле и в сиянье восходит,

Скрипят под ногами дороги,

И за лесом проснулись дороги,

Звенят беспокойные рельсы

В полях, за Дугой Вороненка.

Проснулся в бору очарованном

(И под инея пряжею — неровном!)

Красный дятел! Взлетела синица...

В зимней безлюдной деревне

Звякнул цепью колодец.

С чистой студеной водицы

Из ведер — пар яркий клубится;

Рукавицею о рукавицу

Похлопал

Старец ветхозаветный,

И в дом свой утопал.

А тропинка — к Бугру Вороненка
(Переулком Кудесника, — то есть
Узловатого черного дуба!).
Утром гулким — к Бугру Вороненка,
Где ночами царит лишь поземка
Да звезда одиноко мерцает...

На станцию путь мой. Сяду
На зеленую электричку
(Древа летнего ветвь живую!) —
Съездить в город. Нас город
кормит.

И там, надо думать, увижу
Где-нибудь моего Вороненка?
Где-то в городе молодец
промышляет, —
Вечный труженик, мой вороненок,
Сын весны и широкого лета...

1981 Переделкино

КОНИ МОРОЗА

...И лед рокотал — как из пушек палил,
Когда к нам Мороз по озерам катил
На тройке гнедых белогривых коней, —
И слышались крики, и скрипы саней,
И звон бубенцов, и бренчанье удил..

И радость в тех звуках была и испуг,
И трещин разводья бежали вокруг
Широкой канавой, текучей рекой,
Пугая гнедых под резною дугой...
И молк в отдалении выстрела звук..

И сверху, любуясь ночным ездоком,
Глядела луна с голубым ободком,
И ехала рядом на звездных конях,
На звездных конях, на зеленых санях...
И вспыхивал Север студеным огнем.

Звенели полозья... Быстрей, все быстрей!
Как мчали те кони! Лишь пар из ноздрей!
Огонь из ноздрей! — разудалая прыть...
Нам зиму спешил наконец подарить
Мороз — из-за гор и холодных морей.

1970-е

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Новелле Матвеевой

Нас поздравила.. лошадь!
Спокойно пришла,
Заглянула в калитку,
Кивнула,
Гордой гривой достойно тряхнула
И себя, словно тень, унесла..
— Вас поздравила лошадь?
Чему же ты рад?
Что с того, что лошадка кивнула?
То — жокеи умчали на бал-маскарад,
А лошадка — в народ улизнула.
И кому пожелает, тому и кивнет!
Надоели ей трамтарарамы
Ипподромов
И тотализаторов сброд, —
Кавалеры червонцев и дамы!
Ей валет надоел,
Надоели тузы
И постыли каналы-шестерки,
Запах пота, духов, коньяков и бузы,
Стойкий запах фальшивой махорки...

И когда в душной мгле
Перед летней грозой
В тучах гром кувыркался, играя,
Ее взору мерещилась степь под росой, —
Даль под влажною тучей — без края!

Даль прекрасная,
Кою не надо рядить:
Что Отечества сердцу угодней?!
И теперь... Вот и в наши поля
побродить

Лошадь вышла в ночи новогодней...

Нас поздравила лошадь!
Спокойно пришла,
Заглянула в калитку,
Кивнула,
Гордой гривой достойно тряхнула
И себя, словно тень, унесла..

1976

ИНТЕРМЕДИЯ

Миру нужны перемены,
И не может он без перемен.
Чаплин сошел со сцены,
На сцену вскочил — супермен.
Джентельменски подтянут,
наряден,
И с улыбкою волевой,
И, ослепительно зауряден,
Он ковбойски мотнул головой,
Подмигнул удивленным народам:
Дескать, — зрелищ уважим азарт!
Если Чарли стократ вами продан,
Значит, нужен вам — Я, бонапарт!
Из всех бонапартов я — самый.
И смотрите, как вооружен!
Но... какие-то крики из ямы
Оркестровой...

И падает он,
И, другим бонапартом ограблен,
Отстрелялся и в ящик сыграл,
Чтоб бессмертный и маленький
Чаплин
Снова праздновал свой карнавал.

ИСТУКАНЫ

Кто сам себя среди мудрых числит,
Тот дураком себя не мыслит.

С.Брант "Корабль дураков"

Дурак к дураку (и скотина к скотине)
Стремилась всегда и стремятся поныне,
Но умный не сильно стремится в болванство,
Хотя понимает все выгоды чванства.
Стоят исполины, стоят великаны
На скифских курганах из глины болваны...
Но духа зачем в них Господь не вдохнул?
Красавцев — столь круто и зло обманул?
Ну, чем виноваты тупиць-скоты,
Что нет человеческой в их глинах звезды?..
Им слава вовеки, и присно, и днесь —
В их бычьих башках нечто вечное есть!
Не наш ли праобраз в них прочно сидит?
Их создал Господь. И не нам их судить...
Но славить мне кто запретит дураков?
Хвала им надменным — во веки веков!
Хвала им вовеки! А нам — не хвала.
Мы — всякие: то мы, как сажа бела,
Во имя добра, а такое творим!..
Но мы — хоть не в Рим,
А курганщик — он в Рим!..

Там — башню какую пригнуть да и шнуть,
По пашням пройтись — земледельца шугнуть,
В Сенат заскочить на коне удалом,
Хлеб-соль оплатить и коварством и злом,
Хоть миг постоять по-над бедной толпой
С улыбкой рассеянной, глупой, тупой...
Хвала им бессмертным, и присно, и днесь.
В их дивных башках нечто вечное есть...

1989

И ДОЛГО БУДУ ТЕМ...

Дружеский пасквиль на В.Солоухина

...Небо — голубое: разумею!
Снег-то бел! Я всем его дарю.
Хорошо стихи составить не умею,
Но зато я правду говорю!
 Гриб полезен, Яблоко полезно.
 В том — белок. А витамин — в другом.
 И на что ни погляжу любезно, —
 Сразу вижу: хорошо кругом!
От чьего лица? От поколенья
Тех, кто честно защищал тылы!
Но к чему мне БАМов покоренье?
Для могучести моей они — малы!
 Не люблю железные гранаты:
 Что от них? — одна только пальба!
 Рябчиков люблю я, птиц пернатых:
 Богатырская нужна по ним стрельба!
Выйду в поле: кто выводит песню звонко?
Это ты, ничтожество, поешь?
Из туляшки бахну в жаворонка:
Все равно в нем мяса ни на грош!

Подпускаешь ты кому — турусы?
Ты в родимом небе не ори!
Соловины языки едят французы,
Бычьи языки — богатыри!
Мир проселков моей силе тесен,
Потому — у Моря Черного лежу!
Долго буду тем народу я любезен,
Что ему физиологию кажу!

Начало 1980-х

АКТЕР

К циклу "Римляне"

**Сними трагический венок!
Злосчастный мим, негодный комик,
Ты лучше выдумать не мог,
Как довести меня до коллик!**

**Раб консула! С чего ты вдруг
Решил сказать себя Орфеем?
Ведь Рим, грохочущий вокруг,
Знал — кто был сцены корифеем!**

**И парикмахерский твой пыл
В пророческом сокрытый крике
Опознан публикою был,
Как консул... в деве Эвридике.**

1973

ГОРАЦИЮ

Гораций Флакк, поэт знаменитый!
Как же случиться могло, что лиходеи
Тебя, благороднейшего, малодушным
Назвать посмели?

Думается, ты сам повинен,
Ибо — зачем называл рабыню,
Служанку Ксантия, равной
Гордым римским матронам?

Великий! опережать свое время, —
Разве не знаешь? — всегда опасно.
Ты не Руссо, не Дидро, — зачем же

Запел так рано
Песню в защиту равенства смертных?
Славил мир зачем, а битвы не славил?
Да еще, по слухам, растил капусту?
Ведь вот где грех-то!

Когда бы жизнью сгубил ты много,
Любой назвал бы тебя благородным;
Ты не услышал бы из тьмы гробницы
Гул порицанья.

И когда Плутон призовет тебя к пенью
В Аиде мрачном, стране загробной, —
Будь осмстрительней, о, муж великий,
И впредь мудрее.

1970-е

ВИВАТ, ГОРАЦИЙ!

Новелле Матвеевой

Еще дубрава на горе
Не отряхнулась от тумана, —
В ней мощный ясень на заре
Зажегся желтым цветом ряно.

Когда-то старый генерал
Построил в этой Роще дачу.
И с тех высот на нас взирал.
И не сулил он нам удачу!

Учил нас не в гордыне жить...
А мы и нынче не в гордыне, —
Все продолжаем жизнь творить
Под рощей той — в садов пустыне,

Среди домашнего зверья
И разной дичи — недомашней...
И освещает нам заря
Империй злых крутые башни.

В кирпичном золоте — красны,
Они мерцают нам в лазури...
Но, коль рабы их нечестны,
Их, словно сон, сметают бури.

Нам здесь туман не застит глаз;
Его Фата-Моргана
Эпох нам дивных открывает планы,
Чуть-чуть, но... просветляет нас.

Да! Мой учитель был Гораций!
(Дурак, кто гениям не рад!)
На Квинта Флакка опираться
Готов был даже Меценат!

И... даже Август, — царь неглупый,
Ну, то есть, император сам
(Считалось — равный небесам),
Ценил поэта ум негрубый.

Как до Горация нам высоко,
Так миль миллионы до Гомера!
Но благ,
Кто сам собою — эра!
Ну, например, Гораций Флакк.

Мне видится он не в венце,
Классицистически лавровом,
Но в нераскрытом, вовсе новом,
Идущих к нам эпох — лице.

Да, он был, как бы, средний класс...
И это многих не устроит.
Но и поэзия для нас,
Клянусь, чего-нибудь да стоит!

20 сент., 1 ноября 1991 (Сходня)

РАЕК ВАН ГОГА

Галине Михайловне Рябовой

Венецианскою лазурью,
Розами и вкривь и вкось, —
Сама одетая цветов и музыки богами,
Провансом малым стала рошица
со стадом белых коз,
Едва повеял Север отдаленными снегами.

Какою хлипкой эта роща лип была!
Когда глупец-прохожий жег
ее сухие травы...
"К чему тут, — говорил он, —
дикий корень зла, —
К чему она тут, на холме,
Когда кругом дубравы?"

И вот она живет...
И посетил ее Ван Гог!
Возможно ль на Руси явление Ван Гога?
Украсить что задумает, то и украсит Бог!
Он любит труд!
Хотя не каждый любит Бога.

**Из угольно-зеленой тьмы
Сочится красный свет...
Плывет малыш — сын липы в ореоле
огненном и рыжем...**

**Как ветер космический
Оранжевых планет!
И голос бури симфонической
Над козым стадом белым
Слышен.**

Август, 1991

РОБЕРТ ФРОСТ

Утро его было ясным и легким.
День его был наполнен трудом,
Бодрым и тяжким.
Он шел за плугом и, как ни странно,
одновременно мыслил
О звездах Вселенной и о себе, человеке!
(И пел, пел звонкие песни!)

И заколосилась, и зашумела чудным
напевом ячменным
Засеянная им нива, в которой
Как бы содержались некоторые ответы
На раскинутые им вопросы,
Ответы на заветные пожеланья
И мелодия одна и еще
Тысяча мелодий...
И вечером он зашел в свою добрую
старую хижину
(Лишь видимо небогатую!),
Он зашел в свою хижину,
Вдохнул, улыбнулся, прилег на ложе
И уснул удивительным сном человека,
Который сделал все, чтобы осень
наступила!

1977 (возможно, май)

ВРАЧ

Вернулся домой.
Открывать
Никто почему-то не вышел.
Он вошел.
И завалился в кровать,
И майской грозы не услышал.

А на улице бушевала гроза,
И мутные мчали потоки,
И молнии озаряли
Когда-то живые глаза
Статуй каменных одиноких.

Пробудясь,
Ничему не удивился; знал:
Ушла жена.
За радужными обручами
убежали дети...

И тогда,
Милосердья достойными,
своими детьми он назвал
Всех, живущих на свете.

1970-е

САДЫ ЯПОНИИ

Люблю сады, где галька и песок,
Где вид приветливый, но дикий,
Где алтарем стоит валун великий,
Задумчив, созерцателен и строг.

Где папоротников никто
И трав простых в костер не гонит,
И водорослей, и цветов
С темнеющих зеркал прудов
Рукою грубою не стронет;

Где славной сакуре равна
Любая из обычных лилий;
Где все — поэзии страна!
Где звезды гнезда в камне свили...

В сады Японии я не ступал
Ногой (обутой или не обутой),
Но сотни раз я там бывал
И сотни лет провел как будто...

И часто
В старый павильон
По каменной тропе — из далей —
Я слышал стук своих сандалий
Под старого сверчка трезвон...

Под многовидящей луной
(За тканью облаков горящей,
С пещерной эры
 надо мной
И надо всей землей — царящей),

Я, гимны призванный слагать
В дорогах дней и в бездорожье,
Не стану дальний сад ругать,
Хоть ближний сад мне и дороже.

Мне стыдно на земле губить
Свое любое отраженье:
Я мог бы галькой моря быть, —
Так мне ли с ней вступать в сраженье?!

Я всемогущ и горд судьбой;
Ведь тотемы мои — повсюду!
Но я над ними (над собой!)
Смешных побед держать не буду.

Что человек в садах земных?
Связь меж вещами? Цель? Причина?
Лишь творчеством,
Песчин иных
Превосходящая, песчина?

...Люблю сады, где галька и песок,
Где вид приветливый, но дикий,
Где — алтарем — стоит валун великий,
Задумчив,
Созерцателен
И строг.

1976

* * *

В саду пожарника — жасмин,
Пожарника-пенсионера.
А рядом степь — пространства сплин,
Расплавленного, точно сера.

Я о жасмине, что в тени
Мне сад иной, большой напомнил,
И быстротечной жизни дни,
И душу — радостью наполнил!

В соседстве с ним — и дуб, и клен,
И древность лип, и вязкость вязов...
И пруд, зеркально просветлен,
Трепещет живостью алмазов...

Здесь некогда и я прошел,
Неспешно, тихую тропю,
И зыбких образов провел,
Летучих, стаю за собою.

В садах тенистых мой жасмин,
Надежды полон и сиянья,
Прекрасной музыки Лета сын,
В своих воздушных одеяньях
Пусть света страждущим несет
Бодрящую сердца прохладу,
Насущную, как хлеб и мед, —
Необходимость и усладу.

(1968 или 1969)

ПЧЕЛИНЫЙ ХЛЕБ

У лесной, у дикой сливы
Ветка тонкая, как нить:
Черной молнии извивы
Этот мир летят пленить.

И листки летят, как стая
Изумрудных мотыльков.
— Далеко ли? Далеко ль?
— До сентябрьского края...

На морщинистый листочек
Уронила пчелка хлеб,
Муравей нашел тот хлеб,
Скушал — в тот же миг окреп!
И рукою вдохновенно
Что-то начал колдовать,
Дескать: "Будет бедовать!
Луч проник до дна вселенной!"

Где ты, солнечная лира?
Грянь от гор и от морей!
Грусть апрельскую развей;
Пусть смеются дети мира!"

...У лесной, у дикой сливы
Ветка тонкая, как нить.
Черной молнии извивы
Этот мир летят — пленить.

Начало 1980-х, Переделкино

МЦЫРСКИЕ РОЩИ*

Природы музыка — она так много значит!
Мелодия неуловимая
В душе дела свои вершит...
Черемуховая роша на заре
Росою плачет —
Листвой спадающею по утрам шуршит.

Сквозит мерцающим черемуховая роша
светом,
А тьмой густой — давно ль она полна была!
Поила терпкою прохладой
пастуха и стадо летом
И шум приветный в городскую даль несла...

Ее ломали козы, дети, огородник,
И грозный бык рогами рвал ее наряд,
И рвов следы — от дней тревог,
невзгод народных —
О крепкой красоте ее немало говорят.

* — имеется в виду санаторий "Мцыри", лермонтовские места недалеко от Сходни, и сама Сходня.

Колдует месяц в ней,
 таинственный проказник,
Из мцырских облаков — то сыплет тьму,
 то низжет свет;
И гулкою ее тропой,
Ночами,
Вечно юный всадник, —
Непобежденный! —
 мчится в даль веков —
 поэт!

И рассыпает музыка его —
 кольцующую роци --
 стену...
Кто память о поэте бережет? *Природа* бережет!
В ней, вечной, он глухого небреженья скверну
И хор (давно пустых) похвал — переживает...

1980-е (С:содня)

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК

...И отшумел, и отсверкал он —
 восемнадцатый: блистательный,
 великий —
Над каменными львами гневного Петра...
Век окрика, и славы, и галантной книги,
Карьер головокружительных,
 и вспыхек топора.

Венеция, и Амстердам, и Вавилонии
 грифон не вечный,
И сфинкс Египта, шею выгнувший дугой...
Времен немало спрессовал
 фольянт библиотечный,
Но, дикий просвещенья век! —
 как никакой другой,
Ты жив: надменный, авантюрный
 и беспечный!

Твой сын любой отечеству примерным был
 слугой!
Он в три погибели гнул смерда крепостного...
Иллюминацию любил, и кружева,
 и всякий маскарад...
Награды царские, добытые в раденье многом...
Но и погибнуть за отечество всегда был рад.
И строил Петербург он, и ваял, и строил.
И над Невой капризной возносил
 мостов дугу,
Дворцы, подобные венецианским,
 статуи богов, героев...
Почто нескорбно лицезреть их не могу?

ЮЖНЫЙ ГОРОД

Вижу город над морем в каком-то
кочующем стиле
Республик игрушечных, дерзких
летучих империй!
С коих пор пировали тут, и торговали,
и мостовые мостили?
И уходили народы, и оставляли открытыми
двери...
Именно двери, а не ворота. Солнце по окнам
С коих времен тут блуждает по гулким
каменным стогнам,
Гармонию мне открывая в статуях
белых античных,
Вечность которых собой оттеняют
стаи высокие птичьи?
Под ветром зеленым, оранжевым,
просоленным,
В степях проперченным,
Везде-то прошедшим, везде побывавшим —
в саваннах далеких и близких,
Свои анекдоты несущим даже из джунглей
индийских,
Грек из Пирея ногами сиртаки рисует,
Старик в лапсердаке у тощенького фонтана
Потчует новыми баснями глубоко
отдыхающего уркагана,
А уркаган за спиной своей чужеродного ока
не чувствует!
Божественной белизною над синью морской
колоннада
Напоминает о том, что и здесь она побывала —
Эллада!

Но за колоннадою, — эллинских торжищ
речистей и много шумнее, —
Я видел базары, где и философы, и торговцы
стали хитрее, умнее!
Могло ли, что видено ими,
хитрому греку даже присниться?
Но катится в небе, как прежде,
солнечная Аполлонова колесница,
Кружится воздух над городом,
ласковый, нежный и синий!
И с корзинкою девочка предлагает прохожему
золотистые апельсины,
А жена рыбака — кучу всякой там пареной,
жареной, вяленой снеди —
(Разумеется, по извилистой линии
правильной государственной сети!).
Порт наполнен гудками, заводы стучат
молотками,
И вечную пляску здесь, кажется,
пляшет земля под ногами,
И кажется, улицы здесь из эпохи в эпоху
кочуют;
Умы не врачуют, но души движеньем врачуют.

1970-е

ПЛОТОГОНЫ

Мы в морозные

дамбу рубили

деньки

У знакомого переката.

А с восходом уходим в верховья реки.

Багры наостряйте, ребята!

Там край и богатый, и дикий,

Над протокой там старые ели

Смотрят пляску беспечной форели,

И на острове — камень великий.

Бережком каменистым тропинка бежит,

По трясинам разносится зыбким...

”До свидания!” — парень, любимой скажи

И ”прощай” не скажи по ошибке...

Меня ль на порогах обманет

Поток и коварный, и шалый?

Или — ловко танцующий мальч —

На плоту я промчу горловиной?

На лугах, возле старого бора,

Где вовеки коса не звенела,

Там черемуха черная

скоро

Вся проснется в сиянии белом!

Там омуты крутит излука,
Там сосны летят золотые,
Янтарной смолой налитые, —
На стремнину,
 как стрелы из лука...

Меня ль на порогах обманет
Поток и коварный, и шалый?
Или — ловко танцующий малый —
На бревне я промчу горловиной?!

И токует глухарь, и кричат ручейки,
Лось орет за холмом переката...

..Мы с восходом уходим
 в верховья реки;
Багры наостряйте, ребята!

1970-е

СОКРОВЕННЫЙ МИГ

В серости ранней весны
Пред затаенной в природе грозой
Мрак охватил всю округу
С ее сокровенной красою,
Мрак и неподвижность:
Ни птичьего даже дыханья! —
Не только там веянья ветра:
Ауканье тонет в молчанье,
Нет робкого даже ответа.

И только в саду лесника
На черемухе черной да синей
Вспыхнули почки желто-зеленым
Огнем негасимым!

Затеплились сами, как еле заметные свечи,
В сумерках необъятного
и молчаливого храма!
Как свечи, зажженные здесь,
но видящие — далече,
Не угасая, но вырастая упрямо.

Что призадумался, ельник?
 О чем замечтался, березник?
 Что головой замотал,
 краснотал, —
 Свирельник, румяный бездельник?
 С улыбкою неуместной
 В тиши этой странной, чудесной?
 Сотни огней немигающих
 Перед природы насупленным ликом
 В тиши напряженной —
 Сотни зажглись — намекающих —
 на перелом, затаенный
 В миге молчанья великом...

1970-е

* * *

Как медлителен в поле апрель!
Но — с грачиной толпой нарастает
Шум из рощ... Влажный бархат блистает
Борозды — в окна трех деревень.

Травы первые кинулись в рост
У канав — под березы корнями,
От грачей теплый цвет переняли
Строки ласково-черных борозд!

Виснет теплая влажная мгла,
Лес, деревни и поле связуя;
В странно вечном как будто лесу я
Все бреду от села до села...

Не скрипит, мягко прядая, мост.
Меж полей — в лозняковой низине
Тускло светятся звезды трясины, —
Кочки в близком соседстве борозд.

Летом чибис звенеть и кружить
Здесь любил, мой старинный приятель.
Жаль, не знаю, гнездо где он прятал,
Только дружбу — умел он ценить:

На дорожке встречал (не в кустах,
Где свирель соловьиная бродит) !..
Постоянство и верность —
В природе
Неприметного племени птах.
Кланялся лихо он
И танцевал
До собраньица лоз и березок,
Где рассвет был пронзительно-розов
И где в полдни — косец пировал!
...Как медлителен в поле апрель...
Но летит из Египта мой чибис —
Страж дурмана болотистых зыбей
И мостков — между трех деревень.
Вечно радостен весен приход.
Перелет отступлений не знает.
Терпеливо равнина лесная,
Необъятная! — чибиса ждет...
До родного домчит ли болота,
Строить хрупкую прочность гнезда?
Птицы — выше условий полета,
Как художник — условий труда!

Начало 1980-х

КОГДА ЗИМА

Тамаре и Роллану Шиповым

Смешной шиповник!
Серебристый...
Был дождь. Но он не сибарит...
Зима! — а листьев пурпур чистый
Во сто зеркал в саду горит.

Все дело-то не в море, —
В капле,
Что полнит целые моря,
Что в миг единый — море полнит!
О чисто-пурпурный шиповник!
Лист-капелька. И лист-заря.

И светло-желтой хризантемы
Сияет небу ясный куст...
Когда б растенья были немы
(Где вы, без лирики поэмы?!),
Какой глухой была бы грусть!

Но говорят они. Цветами!
Так благозвучно говорят,
Как будто в детстве прочитали
Поэтов лучших! Не подряд.

И красноцвета Мандельштама,
И Пастернака — тихий крик,
И жуткий — Блока — покаянный,
Весь ядовито-тонкий, стих.

Отдельно — Данте и Петрарку,
Хафиза врозь, и врозь — Басе...
Читая все, не лезли в драку,
Но ведь предчувствовали — все!

Все треволненья предсказали?
Всю ненависть? И всю любовь?
Как (мастера святой печали)
Ду-Фу — поэт? Поэт Ли Бо?

Поэт — он капелька и море.
Он как шиповника вино.
Он миг, в котором мигов горы!
В движенье — все отражено!

В проспектах ли —
Дух Руставели?
Не в памяти ли о Тамар?
Дар песнопений дивный,
Благородно-смелый, —
Знал Бог — кому, зачем давал!

В саду цветаевском нагорном
Целебен сам страданий яд.
И нет поэзии — бесспорной:
В ней путь к богам —
Через бодлеров ад.

И Лермонтов — певец мятежный;
И гений Пушкина — не зол;
И Петефи, гайдук, дух света нежный, —
Кто чуткостью вас превзошел?!

Вас
В зимнем пурпуре читаю
Роз диких — дикого куста...

Великая — упала в лужи —
Лажа!
Не Гюлистан. Не ночь звезды
Шираза;
Не в ней — любви сердец —
Пропажа
И сердца мира — полнота.
Но ты, Поэзия, страна святая!
Ты — радость мне, моя беда...

Ты — моря ширь. Ты — бездна сада.
Ты добротой своей свята.

Ты — цвета радость!
Ты огромна!
В движеньи сердца и ума.
До резких странностей
Не монохромна
Сама тревог моих зима.

Мир так прекрасен,
Так трагичен,
Так полон чудом каждый миг,
Что только внешне алогичен
И звук любой в стихах моих.

Откуда музыка? Из цвета?
Хотя творит себя сама.
В ней, так же, как в душе
Поэта,
В разгаре моцартово лето,
Когда на всей земле зима.

Когда кругом горит зима,
Зима тревог и безнадёги,
Пусть нас благословляют боги
Сберечь источники ума —
По торжищ
Зачарованному кругу...

Есть в мире тысячи знамен!
Одно другого злей,
Пикантней...
В нем всяк по-своему умен.
Но мудр ли добротою —
Ганди?
Ведь, что ни говори,
Мир озарен
С кустов небесных —
Розой Ганги.

Кусты поэзии не гоже
Рубить, корезить, резать, жечь.
Век потеряв свой, — как нам, Боже,
Как в наших душах убережь
Отзывчивости
Первозданный пурпур?
Очеловечив нашу речь?..

В мгновение, когда зима
(Когда зима — она — мгновенье!),
Не дай нам, Бог, сойти с ума.
Даруй на зренье — вдохновенье!

29 сентября 1991 (Сходня)

БУЗИННАЯ МАТУШКА

Начало весеннего праздника
Березовым брызжет вином,
Бузинная Матушка сказочника
У нас расцвела под окном.

И травы пробиться успели
В синичью весеннюю звень,
Под ропот прозрачной капли, —
И все — в одну ночь! В один день!

А из лесу Ландыш, и Мята,
И грозный стрелок Зверобой
Пришли, как сестра и два брата,
Народ чаровати собой.

На лицах у них
Полумаской
Все держится инея след,
И вдруг... ускользает с опаской,
Почувствовав солнечный свет.

Они к Матушке нашей Бузинной
Из угодий далеких пришли
И привет от семьи лебединой
В честь начала весны принесли! —

Разведав у ветра-проказника,
Что березы уж капают вином,
Что Бузинная Матушка сказочника
Снова ждет их под нашим окном!

1970-е

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 3

ПЕСНИ И СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Праздник	5
Потапка	8
Мишка на ярмарке	10
Тележка	12
Баллада о мишкиной макушке	14
Медведь и муравей	15
Медвежий суд	17
Новичок	19
Кот-лентяй	20
Кот и жук	22
Эй, лягушка!..	24
Дай зерна воробью!	27
Песня дрозда	29
Баллада о снегире	31
Отчаянный	33
Наш козел	35
Теленок Леня	37
Верблюжонок	39
Размечтался...	40
Летят!..	41
Все готовились к зиме...	43
На горке	44
Я — портной!	44
Празднество	49

ПРОСТО ПЕСНИ

- Баркарола 52
Табор 54
Варданэ 55
Сверчок 57
Роща заалела... 59
"Над Москвой облака высоки..." 61
Гимн Солнцу 62

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

- Голос твой 65
Зверобой рассветный 67
Сходненские сосны 69
Березы моего Вороненка 71
Дед Вороненка 73
На станции Вороненка 75
Кони Мороза 77
В новогоднюю ночь 78
Интермедия 80
Истуканы 81
И долго буду тем... 83
Актер 85
Гораций 86
Виват, Гораций! 88
Раек Ван Гога 91
Роберт Фрост 93

Врач	94
Сады Японии	95
”В саду пожарника — жасмин...”	98
Пчелиный хлеб	99
Мцърские роци	100
Восемнадцатый век	102
Южный город	104
Плотогоны	106
Сокровенный миг	108
”Как медлителен в поле апрель!..”	110
Когда зима...	112
Бузинная Матушка	117

